

и интерпретацию исторических событий — словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта.

Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «Я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «Я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования. Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире.

Дискуссионным представляется мне и тезис о равенстве культур в мире. Как пишет академик А. А. Гусейнов: «Попытки игнорировать эти различия, как если бы культуры реально, по своему фактическому состоянию были равновелики, оборачиваются снижением критериев, по сути дела имеют антикультурный смысл». Но далее он, в угоду политкорректности, снижает потенциал собственного утверждения: «Первые вполне могли бы быть на месте вторых, точно так же, как вторые — на месте первых. Следовательно, те культуры, которые по факту являются более отсталыми, заключают в себе потенциал, позволяющий подняться до уровня передовых. Имея перед глазами пример последних и, в особенности, получая при этом поддержку и помощь, они, возможно, могут сделать это быстрее и лучше». С последним утверждением позволю себе не согласиться. Так как, на мой взгляд, Абдусалам Абдукеримович подменил проблему уровня развития культуры экономическим развитием.

Можно перенять технологические инновации и даже опередить страну, чьи изобретатели породили эту технологию. Но невозможно, например, китайской культуре опередить Европу в развитии классической западной музыки, как, впрочем, и европейцам превзойти китайцев в музыкальном строе пентатоники. К тому же, даже переняв ту или иную технологию у страны-донора, не просто наладить «выпуск людей», способных создавать инновации, порожденные в иной культуре. Пользуясь метафорой Х. Л. Борхеса, можно сказать, культуры — это сад расходящихся тропок и каждая культура идет своим путем. Есть, конечно, и определенные инварианты различных культур, отсюда «единство в разнообразии», есть культурный обмен и взаимопроникновение культур. Но именно уникальность и неповторимость культуры и создает ее ценность, обеспечивая вариативность, если вспомнить биологическую метафору В. С. Степина, «культурного генофонда» человечества.

Тем не менее проблема оценки уровня развития культуры сохраняется. Иначе мы просто не имеем критериев развития и возможности оценить состояние прогресса или регресса, в котором она находится. И здесь как одна из форм оценки уровня культуры мне представляется перспективной теория техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна, согласно которой экзамен на выживание проходят те культуры и цивилизации, которые ограничивают все нарастающую мощь боевых и производительных технологий развитием культурных средств регуляции и сдерживания. Развитие осевых цивилизаций (термин К. Ясперса) и появление мировых религий было вызвано именно такой необходимостью. Ветхозаветный принцип «не убий», появившийся в период, когда на смену бронзовому оружию пришло относительно дешевое оружие из железа, позволившее тем самым создать многотысячные армии, не отменил человекоубийство, но через моральное порицание (присутствующее в сознании где-то на периферии) ограничил геноцид по отношению к побежденным.

В рамках теории техно-гуманитарного баланса вся человеческая история рассматривается как серия техногенных кризисов и катастроф, крах одних цивилизаций или выживание других при нахождении гуманитарного противоядия собственного могущества. Теория техно-гуманитарного баланса нуждается как в выделении набора базовых ценностей, лежащих в основе каждой культуры, так и в оценке возможных последствий развития тех или иных технологий и их риска для выживания человечества. И здесь опять обратимся к метафоре культуры как генетического кода социума, данной В. С. Степиным. В развитии этой модельной аналогии А. В. Смирнов на роль элементов культурного генома ставит базовую систему категорий сознания, выделенную на историческом материале А. Я. Гуревичем. Гуревич убедительно показал, как категории сознания, такие как причинность, пространство, время, ценность и тому подобные, являются культурно-исторически изменчивыми и различаются в разных культурах, опосредуя многообразие картин мира.

В нашем собственном исследовании проводилось кросс-конфессиональное сопоставление религиозных ценностей. На основе фрагментов сакральных канонических текстов, содержащих ценностные суждения (из Ветхого и Нового Завета, Корана, иудейского Исхода, Бхагават-гиты, «Алмазной сутры» и т. п.), и оценок их представителями религиозных культов (православные и католические священники, буддийские ламы, исламские имамы, иудейские раввины) строились многомерные семантические пространства, позволяющие выделить базисные категории, объединяющие и противопоставляющие различные конфессии, каждая из которых получила свои координаты в многомерном пространстве религиозного сознания. Исследование показало наличие определенных инвариантов в системе ценностей различных религий, которые могут выступать основой межконфессионального диалога.

А. Е. Петров¹

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСВОЕНИЕ ПРОШЛОГО В ВОЙНАХ ПАМЯТИ

События последних двух лет, стремительно разворачивающиеся перед нашими глазами, подтвердили одну

древнюю истину: «И это пройдет...» Я имею в виду миф о незыблемости постиндустриального информационного общества. Кризис основанной на информационной коммуникации глобальной экономической системы, кризис PR-технологий в политике и рекламе наглядно свидетельствуют о том, что незыблемость ментально принятая

¹ И. о. заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, заместитель председателя Координационного совета по делам молодежи Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию (Москва).

обществом системы, построенной на «играх разума», поκειται лишь на самовоспроизводящейся мифе. Это не оставляет сомнений в том, что и этот этап развития человечества пройдет. Конечно, не завтра, но, несомненно, пройдет. Логично, что ему на смену должен прийти период переосмысления и производства реальных ценностей. Что станет с культурой? Останется ли она в том виде, как мы ее знаем (но не до конца понимаем) сейчас? Останется ли она вообще как ценность? Эти серьезные вопросы достойны обсуждения на самостоятельных конференциях.

Мое выступление сегодня посвящено более узкой теме: извечному союзу и непримиримой борьбе истории и памяти в современном обществе. Это вечное сосуществование приобрело в эпоху глобализации особенные, неповторимые черты, заставившие некоторых интеллектуалов говорить о конце истории, а в несколько ином виде — о гибели национальных историй и описательной истории. В частности, сейчас активно обсуждается, насколько правомерно сегодня ставить вопрос о национальной истории. Описательная история национальных государств с развитием глобализации и снижением роли институтов национального государства должна уйти в прошлое. Если мировой экономикой владеют транснациональные корпорации, то причем здесь национальная история. Появились специальные труды на эту тему, смысл которых сводится к тому, что традиционная объясняющая история умирает. Возникшая в XVIII–XIX веках классическая история национальных государств становится все менее и менее важна, нужна и интересна. Так ли это?

В теории такой процесс действительно мог бы иметь место, но реальность, которую мы видим перед собой, говорит о новом возрождении национальной историографии. После распада Советского Союза и появления новых, суверенных государств одновременно идут процессы выстраивания новых национальных идеологий и обновления методологии исторических и в целом обществоведческих исследований. Феномен стран ближнего зарубежья, постсоветских государств дает иной пример: он показывает нам высочайший интерес к национальной истории и всплеск неонационализма в исторических исследованиях. И в этом смысле, конечно, нам очень далеко до закрытия институтов традиционной истории.

Сегодня для построения национальной исторической картины необходим подход освоения истории. Он в принципе характерен и для идеологии. Под «освоением» понимается соответствующий определенным параметрам отбор, приложение и тенденциозная интерпретация отдельных исторических фактов и процессов к национальной, этнической или партийной программе. Собственно, эти попытки в постсоветских учебниках уже вызвали, особенно в России, достаточное количество разнообразных откликов, в том числе и юмористических. Диву даешься, какие интересные открытия в области нашей совместной истории делают наши коллеги из ближнего зарубежья! Российскому читателю все это нравится; посредством Интернета анекдоты переходят от одного к другому и вызывают у большинства читателей заслуженное недоумение.

Допустим, из эстонского учебника мы узнаем про 100 эстонцев в дружине Вещего Олега, которые взяли Константинополь, пока 20 тыс. воинов князя спали в ладьях. В том же учебнике присутствует другой интересный момент. Два эстонца взяли сено, а навстречу по дороге ехала карета А. В. Суворова; он попросил уступить дорогу, а два гордых и непреклонных эстонца не пропустили захватчика-фельдмаршала и намяли ему бока. Это было единственное поражение Суворова. Если национальную гордость удовлетворяет то, что два здоровых

«лба» справились со старым и больным человеком, довольно хилым по своему физическому развитию, то вполне можно делать выводы об особенностях такой национальной гордости.

Такие примеры можно привести по самым разным странам. Официальная история Молдовы теперь мыслится как часть истории Румынии, а из соответствующего учебника мы можем узнать, что переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции и предопределил исход Второй мировой войны. Классикой стал знаменитый украинский учебник для 7-го класса, который открывается сообщением о том, что украинцы населяли землю Украины 140 тыс. лет назад. То есть они существовали еще до неандертальцев. Такие примеры у кого-то вызывают законное возмущение, у кого-то — иронию, но на самом деле в них заложен очень опасный смысл, поскольку в этих вновь открытых занимательных сюжетах по нашей совместной истории так или иначе достается России как наследнице Российской империи. Именно здесь заложена реальная проблема.

Я как ученый искренне убежден в том, что истина реально существует, она даже достижима, а история может быть не мифологической, а научной. Но мы должны, конечно, отчетливо осознавать границы нашего незнания по тем или иным вопросам и делать на это скидку. При этом ряд вопросов для нас совершенно очевиден. Мы восстанавливаем историю по источникам, и соответственно возникает вопрос: как препарировать эта история? В связи с этим, конечно, упоминается постмодерн. Истину не существует. Есть лишь различные мнения — тексты. Этот подход сейчас очень распространен: что-то происходит, и сразу эксперты дают комментарии; так как у каждого из них свое мнение, то появляется набор текстов, живущих самостоятельной жизнью. Оказывается, эти события можно представить так, а я их вижу иначе.

Более того, появился тезис о суверенитете национальной истории и невмешательстве в ее внутренние дела. Это особенно заметно в кругах радикальных украинских политиков и депутатов, которые призывают: «Дайте нам самим писать нашу национальную историю. Зачем вы вмешиваетесь в обсуждение вопросов, связанных с украинской историей?» Это в ответ на разговор по поводу переписывания истории Великой Отечественной войны и переоценки роли ОУН-УПА и бандеровского движения. Речь идет уже не только о том, что признается возможность все что угодно говорить об очевидных вещах и по-своему их трактовать, но и о том, что вообще существует табу на вмешательство во «внутренние исторические дела». И есть ли такие внутренние исторические дела на самом деле или нет? Вот это, на мой взгляд, тоже один из любопытных вопросов.

История не может замыкаться в узких рамках, даже если эти рамки являются государственными границами. Если строго соблюдать эти границы, то ни одну историческую проблему по-настоящему решить нельзя. Генезис длительных исторических процессов крайне пренебрежительно относится к нынешним таможенным барьерам. Если строго следовать методике украинских коллег, проблемная история быстро превратится в историческое краеведение.

Научная история предъявляет особые требования к историческому пространству. Сейчас ежегодно проходит Форум творческой и научной интеллигенции государств — участников СНГ. В этом году он должен состояться в Кишиневе. Там очень четко ощущается потребность интеллигенции и ученых стран Содружества в двух вещах: первое — это язык реализации творческого потенциала, второе — это пространство его реализации. Когда выступает казахский режиссер и говорит, что с распадом

Советского Союза он перестал снимать фильмы и стал писать какие-то аналитические записки для министерства, для меня это трагедия, потому что понятно, что с развалом СССР сузилось до размеров лужицы и пространство его собственной творческой реализации. И в истории мне видится нечто подобное.

Хотим мы того или нет, но в период с XVII до XX века большинство государств ближнего для России зарубежья оказались в составе единой империи и в дальнейшем развивались в одном пространстве. Российская империя и Советский Союз вполне обеспечивали полноценное функционирование единого исторического пространства, поля, влияние которого распространялось гораздо дальше физических границ романовской империи и СССР.

Поэтому не может быть разговора о вмешательстве или невмешательстве в историю. Могут быть дискуссии по отдельным историческим вопросам, потому что в рамках освоения и подаживания исторического процесса под нужды нарождающейся государственности можно что-то приспособить к запросам идеологии. Да, такие моменты существуют, мы это видим везде. Но когда происходят такие манипуляции, очень часто затрагиваются конкретные политические, экономические интересы соседей, и вот тогда вопрос выходит за рамки наших круглых столов, обсуждения ученых и становится политической проблемой всего населения этого пространства. Можно привести массу примеров, когда гуманитарные по своей сути вопросы становились предметом политических кризисов с экономическими санкциями.

Каковы должны быть наши действия в данных условиях? Нам не просто смеяться или плакать надо от тех или иных трактовок совместной истории в современных учебниках. Конечно, у нас крайне ограничены рычаги влияния на процесс создания таких сочинений в государствах СНГ, хотя бы потому, что это действительно суверенные государства. Там имеется своя интеллигенция, новая элита, которая строит собственную идеологию. Но нужны четкие меры, четкая система в России для реакции на подобные вещи, потому что все провокации, связанные с историческими вопросами, произрастают прежде всего на почве исторической безграмотности населения. Безграмотными людьми легко манипулировать. В этой связи большие задачи стоят перед российской системой образования.

Я исторический оптимист и считаю, что у нас и в этом вопросе рано или поздно все наладится, но нужны определенные коррективы. Первый момент: необходимо учитывать, что время ставит перед нами определенные задачи. Поэтому очень важно, чтобы вчерашний школьник, выходя после 11-го класса в эту суровую и полную общественных бурь жизнь, был хотя бы в общих чертах подготовлен и снабжен информацией о том, какие проблемы могут возникнуть в его взаимоотношениях с окружающим миром и соседями.

Второй момент — это, конечно же, перевод вопросов из плоскости политической в плоскость общественной и научной дискуссии. Давайте встречаться, конструктивно обсуждать спорные вопросы, а потом уже принимать законы и вводить уголовные санкции (сейчас на Украине ставится вопрос об уголовном наказании за непризнание там геноцида). Ведь обсуждение вопроса о голоде 1931–1932 годов учеными трех стран началось уже после того,

как кандидат в президенты Украины В. Ющенко на своем официальном сайте вывесил лозунг о том, что вопрос о геноциде голодом украинского народа в 1932 году — это вопрос об отношении к украинской государственности. Это пример политического использования исторической проблемы, которая была известна историкам, но острота которой не была доведена до общества. Необходимо поднимать подобные вопросы в научной и общественной дискуссии еще до того, как они становятся политическими лозунгами.

Третий момент: Россия должна проявлять собственную активность в историческом поле. Для соотечественников нужно создавать и распространять специальную учебную, методическую, дополнительную литературу, которая обязательно будет соответствовать российским федеральным принципам образования, чтобы эти люди могли при случае реализоваться в России. И плюс ко всему: они должны получить углубленные знания по тем вопросам, которые наиболее остры в Казахстане, Украине, Прибалтике и т. д.

Наконец, четвертый момент, наверное, самый важный. Необходимо задуматься о том, как мы сами поступаем с собственной историей. В принципе все отмеченные методики мифологизации и искажения мы можем увидеть и в России, как на федеральном, так и на региональном уровне. Когда мы вытаскиваем поддельные мощи национальных героев, придумываем непонятные юбилеи и псевдоисторические праздники, мы не имеем морального права упрекать соседей в тех же грехах. Здесь необходима коллективная ответственность интеллектуалов. Только от нас зависит, решится ли вопрос по совести, так как политики, принимающие решения и подписывающие указы, обязаны действовать исходя исключительно из политической и экономической целесообразности. А целесообразность далеко не всегда основана на совести.

Не надо питать иллюзий о том, что мы — гуманитарии, ученые, собравшись здесь, примем замечательные решения, пойдем в свои вузы, школы, всех научим, и все изменится. Нет, к сожалению, в современном мире не мы определяем общий фон исторических представлений, а средства массовой информации, фильмы, Интернет. Обыватель легче верит ярким образам, нежели сухим фактам. Информационную войну за историческую память выигрывают Пикиль и Радзинский, потому что это образно. В конце концов, все же знают о том, как «на самом деле» происходили взаимоотношения в элите французского королевства XVII века по романам Дюма. Не Ришелье был прогрессивным деятелем, а четыре мушкетера. Именно эти «источники» определяют сегодня восприятие истории. А научной литературы с ее сухим языком и мизерными тиражами, можно считать, просто нет в общественном и информационном обороте.

Конечно, нужно создавать официальные ресурсы, выходить в Интернет, делать специальные программы в средствах массовой информации — это все делать надо. Но то, что в наших силах, и то, что реально мы способны сделать, — это в рамках обучающих программ научить наших детей воспринимать информацию через анализ источника. Тогда будущие поколения перестанут быть «пушечным мясом» в интеллектуальных войнах. Именно в этом будет заключаться наш вклад в гармонизацию исторических отношений, в мирное разрешение войн памяти на всем нашем историческом пространстве.